

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

The illustration depicts a chaotic battle scene. In the center, a green military tank is positioned on a rocky, uneven shore. To the left, a soldier in a green uniform is crouched near a blue, turbulent body of water. To the right, two more soldiers in green uniforms are running towards the viewer, one slightly ahead of the other. A massive, bright orange and yellow explosion erupts from behind the tank, sending a large plume of black smoke and debris into the air. The background shows a hazy, mountainous landscape under a cloudy sky. The overall style is that of a dynamic, action-oriented book cover.

ИЗМАТЫВАЮЩЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Психологический детектив

Евгений Кузнецов

**Изматывающее испытание.
Психологический детектив**

«Издательские решения»

Кузнецов Е.

Изматывающее испытание. Психологический детектив /
Е. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933824-2

Сложно хитрить, когда за тобой следят. Сложно жить честно, когда тебе ставят ультиматум: либо помогаешь бандитам, либо пострадают жена и пятилетний сын. Мирный отряд геологов находит на колымской дороге обессиленного человека и решает ему помочь. Никто, кроме водителя, не догадывается: скоро поход превратится в ад. Чью сторону принять, если не доверяешь никому? Сколько сделок с совестью может быть совершено ради жизни? Узнает тот, кто пройдет изматывающее испытание!

ISBN 978-5-44-933824-2

© Кузнецов Е.
© Издательские решения

Изматывающее испытание Психологический детектив

Евгений Кузнецов

© Евгений Кузнецов, 2019

ISBN 978-5-4493-3824-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наш небольшой отряд из шести человек, включая меня, продвигался на гусеничном вездеходе по одной из диких достаточно широких долин, промытой речкой, летом почти пересохшей, усыпанной галькой, ограниченной сглаженными веками дикими сопками, когда я заметил странное существо, отползавшее от ручья. Это случилось в полдень примерно часа через три после того, как мы свернули с трассы, соединяющий Колымский край с Якутией. Трассу проложили в сталинские времена, по ней гоняли осужденных – и уголовников, и политических, всяких, – в дальние лагеря, где заставляли работать на рудниках, в шахтах

Сидевший рядом со мной начальник тоже слепым не был, заинтересовался. Раненный горный баран? Правда, он тут же засомневался, вспомнив – охота сейчас запрещена, браконьеры вряд ли забираются в эту отдалённую от цивилизации, гибельную местность. Хотя я сбавил скорость вездехода, гусеницы тише лязгали по гальке, всё равно Петухову приходилось наклоняться ко мне и кричать чуть ли не в самое ухо, иначе я плохо слышал. Главный недостаток гусеничной техники – грохочет при движении по твёрдому грунту. Спасая уши, я пробовал затыкать их ватой, мало помогало.

Вскоре мы поняли: на гальке человек, даже не полз, слабо шевелил парализованными конечностями, как покалеченный червяк, почти не передвигаясь. Когда я остановил вездеход метрах в десяти от него, он вообще вытянулся и затих.

Выпрыгнувший из кабины начальник поспешил подойти к незнакомцу.

Тот не сразу, и с усилием, все же приподнял голову. Свалившаяся мокрая бородка затопляла его физиономию, рыжеватые волосы на голове хотя и жидкие, но длинные, спереди неровно спадали на лоб до глаз, закрывали уши, возраст не разобрать. Наряд на его теле одеждой назвать нельзя: липла к телу облезлая фуфайка, изношенные штаны непонятного цвета рваные, тоже мокрые, незадолго до нашего появления бродяга переползал ручей. На его левой ноге красовался старый ботинок с отрывавшейся сзади подошвой, второго ботинка вообще не было, голая израненная ступня слабо кровоточила лишь потому, что в теле дядьки крови, вероятно, почти не оставалось. Хотя я не подходил к бродяге, тоже выбравшись из кабины, но казалось, даже на расстоянии улавливал исходящий от него тлетворный, помойный запах. Неудивительно, что Петухов трогал бродягу за плечо осторожно – возможно опасался подцепить заразу или боялся, что тот, чего доброго, даже от лёгкого сотрясения умрёт, однако считал – не должен быть сторонним наблюдателем, не забывал – он начальник, обязан разобраться в ситуации.

Чем бродяга питался? Ни рюкзака у него, где держал хотя бы котелок, ни оружия самого простейшего – ножа. Ягод нет, орех на кедровом стланике пока не уродился, не травой же питался. И пробивающаяся среди камней травка на Колыме уже в начале августа неполноценная, выжигается солнцем, корова и та такую пищу не осилит. Колыма – это безбрежный океан каменистых сопот разных цветов из-за неодинаковости пород, растительность лишь у подножия, где на склонах среди сплошного камня умудряется жить кедровый стланик, в самых низи-

нах местах встретишь лиственницы, невысокие и хилые из-за недостатка питания и сурового климата, резко континентального – зимой жгучие морозы, летом жара.

Бродяга теперь пытался приподнять голову, издавал хрипящие звуки, закатывал глаза, оголяя белки, открывал рот, перекашивая на бок, как выброшенная на сушудохнувшая рыба, дышать толком уже неспособная, многие передние зубы у него выбиты, уцелевшие желтые, гнилые. Уронив голову, он ударился о гальку щекой и затих.

Команды не было, однако люди отряда покидали крытый кузов, удивившись неподвижной остановке.

С бродягой стала возиться лишь геолог Ольга, хотя наверняка такая работа ей радость не доставляла, судя по выражению лица, – полные губы помимо желания слегка кривила, будто возилась с испорченным продуктом, усилием воли ей приходилось заставлять себя неприятным делом заниматься. Она возилась и потому, что была женщиной деятельной, сидеть, сложа руки, не любила, и хотя начальником отряда считался Петухов, фактически нами командовала она, к тому же сейчас понимала – люди отряда предпочтут оставаться сторонними наблюдателями. Да она справлялась одна, женщина повыше меня, природа наградила крутыми неженскими плечами, мощная женщина, могла бы занимать таким видом спорта, как штанга, в сравнении с ней многие мужчины чувствовали себя неполноценными, я уверен в этом, неудивительно, что оставалась холостой, хотя ей тридцать пять. Сейчас она без особого труда перевернула бродягу, снова уткнувшегося лицом в гальку, убедилась – сердце билось.

Раз за дело взялась Ольга, то Петухов теперь стоял в стороне и только наблюдал.

Наш второй геолог, Мальчик, – так в отряде звали Юрия Борисовича за маленький рост, – даже не стремился скрывать свои чувства, жёг найденного неприязненным взглядом, не подходя близко. Впрочем, он имел привычку нехорошо смотреть и на работников отряда.

Приятель нашего начальника – Николай Николаевич, тоже заботиться о бродяге не собирався, о чём-то заговорил с Петуховым, поглядывал на бродягу морщась, словно ему в рот попало кислота, и ясно – жалость в его душе не пробуждалась. Он человек с жёстким характером, тем более привык командовать. В отряде он числился лаборантом, работал же главным технологом на крупном строительном комбинате. Он самый старый кадр в отряде, ему за шестьдесят, поехал в экспедицию, используя накопленный за несколько лет отпуск, решил вспомнить молодость, романтику, так объяснял своё желание. Будучи студентом, он ездил в студенческие каникулы на стоившийся при социализме БАМ, бывал и на геологических полевых работах подобных нашим. На его строительном комбинате как раз при изготовлении легких бетонов применяли перлиты – вулканическое стекло. Ради разведывания новых мест наличия перлитов и была организована экспедиция, так считал наш наивный начальник, не догадываясь, что наши спонсоры, давшие деньги, – совсем не те люди, за которых себя выдавали, намеревались использовать экспедицию в преступных целях, вскоре людям отряда придётся думать об одном – остаться бы живыми.

Не собирався приближаться к бродяге и Молодой, так мы звали, не таясь, самый молодой наш кадр, имевший имя Анатолий. Судя по презрительной усмешке на его губах, он издевался над теми, кто тревожился за судьбу бомжа. Тогда никто не знал, зачем юнец завербовался в отряд, едва окончив школу и получив аттестат зрелости. Он сынок бизнесменов родителей или больших чиновников. Чтоб это понять, и анкету изучать не надо. В отряде всем выдавали рабочую одежду – штормовку, сапоги, он же решил, что и в безлюдной Колыме можно прогуливаться в шортах, одеваться так, будто он на одном из популярных у богачей дорогих курортах. Правда, в таком виде этот типичный представитель современной золотой молодёжи красовался пока не начал работать, изодрал голые ноги, лазая в маршруте по обросшим кедровым стлаником сопкам, измучился, опрыскивая обнаженные участки тела жидкостью от комаров, они и в жару полностью не исчезали, и понял – здесь всё же не курорт.

Ольга продолжала возиться с найденным бродягой, остальные люди отряда по-прежнему наблюдали.

Наблюдал и я, оставаясь возле вездехода, причём наблюдал безразлично, спокойно.

Солнце в тот день хотя и поднялось как всегда над горизонтом невысоко, а забыло, что здесь не юг, разомлевший ветерок лишь изредка ласкал лицо, ничто не предвещало беду.

И вдруг меня запоздало осенила пугающая догадка: эта личность оказалась здесь не случайно. Бандитский резидент?

Конечно же!

Вот только вид у него для резидента неподходящий: не брился несколько месяцев, можно подумать – действительно давно скитался по дикой местности.

Так усы, борода у него наверняка наклеены!

Подойти к нему, за бородку дернуть и убедиться, что мои предположения верны?

Но мне разоблачать резидента нельзя.

Похоже, публика, с которой мне пришлось общаться в поселке семь дней тому назад, придумала хитрость – с помощью этого типа остановили вездеход, сейчас могло начаться такое, о чём и подумать страшно. Покатые склоны долины затоплял низкорослый кедровый стланик, в нём легко затаиться, расстреляют нас без труда из нарезного оружия, даже не имеющего оптических прицелов. Если кто-то из геологов сообразит упасть на гальку, с ним расправятся чуть позднее, из зарослей выбравшись. Оказать сопротивление геологи не могут, у них лишь охотничьи ружья, к тому же оставлены в кузове вездехода.

Забывая обо всём остальном, я теперь, вглядываясь и напрягшись, старался разглядеть затаившихся в кедровом стланике боевиков на ближнем к нам склоне, бессознательно мял пальцами материю штанов возле карманов, выдавая этим своё нервное состояние, захотелось закричать:

– Скорее садитесь в машину! И убираемся отсюда, если не хотим оказаться на том свете!

Только какой толк от такого предупреждения? Кто оценит мой поступок? Спаситься всё равно никому не удастся. Если мой крик услышат боевики, то наверняка расправятся и со мной, с купленным ими шофёром.

И я вспомнил: руководитель, франт, при общении со мной сказал, что постарается оставить людей отряда живыми, поставив при этом одно условие – я не нарушу навязанную мне договорённость, никому не говорю ни слова, и буду выполнять то, что мне прикажут. Если стану делать не то, что нужно, то распрощаюсь с жизнью не только я, подобная же участь ждёт жену, сынишку, так что паниковать не стоило.

Все же на всякий случай я спустился к ручью, вдруг все же начнут стрелять – меня не заденут, хотя понимал, что поступаю позорно, как шкурник, не хотелось глупо погибнуть, даже не разум руководил мною, а инстинкт самосохранения.

Чтоб стала понятной причина охватившего меня волнения, я расскажу события недельной давности.

Я возвращался с автозаправочного пункта. По середине дороги стояла «Лада», мешая проезду, пришлось остановиться. Из машины выбрался рослый малый спортивного телосложения, безрукавка обтягивала тугую грудь, позволяла рассмотреть татуировку: ниже правого и левого плеча красовались распутившиеся тюльпаны, в центре которых змеиная голова, возможно, на спине и груди парня были и другие эффектные наколки скрытые одеждой. Он уголовник? В местах лишения свободы любят разукрашивать свои тела, это знаю, сам был осужден и два года провел в зоне, рабски работал на лесоповале под наблюдением стражей порядка с собаками. Вот почему в той встрече для меня не имело значения, кто малый – на самом деле бывший зэк или обыкновенный смертный. Я предположил: у него заглохла машина, намеревается просить помощь.

– В чём проблема? Хотя я сейчас водитель вездехода, а, вообще-то, занимаюсь ремонтом машин, мой бизнес, способен помочь. Но долго возиться не могу, отпустили с базы только для того, чтоб заправился горючкой, не вернусь в нужное время – получу нагоняй от начальника.

Правда, на расстроенного водителя, у которого вышла из строя машина, малый не был похож – хитровато прищуривался, губы растягивал в улыбке, будто намеревался шутить, и вообще походил на человека, привыкшего к беззаботному и веселому образу жизни, рукой привычно пригладил уложенные в парикмахерской волосы.

– Когда узнаешь, какие блага тебя ждут, то забудешь о своих начальников, – вот какой я получил ответ.

Он продолжал улыбаться, держался так, словно мы виделись с ним не первый раз и отношения между нами дружественные.

Как раз из-за игравшей на его лице подкупающей улыбки, из-за умения представить себя «своим парнем», я не сразу обратил внимания на его глаза – малоподвижные, хуже того, походили на ледышки, не знающие, что существует тепло, леденящим был и взгляд. И позже, вспомнив ту встречу, я отмечу: его губы улыбались, однако, если приглядеться, то можно уловить – в улыбке таилось что-то скрытое, говорившее малоприятную правду об этом человеке.

– Тебе не доводилось обклеивать стены комнат вместо обоев долларовыми купюрами? Обклеивать не в здешних балках, которые на неделю передали вашему отряду, а в своей московской квартире на Одиннадцатой Парковой улице. Теперь у тебя появится такая возможность. Кроме того, наша организация поможет договориться с типами, тебя шантажирующими. До сих пор ты исправно платил им мзду, чтоб не мешали твоему бизнесу, теперь возник нештучный конфликт, пришлось бежать от них сюда, на Колыму. Благодаря нам, ты в скором времени заживёшь в своё удовольствие, вернёшь сынишку и жену из Белоруссии, – и их пришлось прятать, – уже этой осенью сможешь махнуть со всем семейством на любой заграничный курорт.

Откуда незнакомый малый знал, где я проживаю, и причину, заставившую меня срочно покинуть Москву, семью спасать, отправив на Белоруссию к теще? Я впился в его лицо тревожным взглядом, сердце так гулко заколотилось, что казалось – способно грудь продавить и наружу вывалиться.

– Тебя здорово напугали в столице, – насмешливо проговорил малый. Моя растерянность, даже испуг, казалось, развеселили его больше прежнего, во всяком случае, он веселость умело изобразил. – Пожалуй, до курорта тебе вначале придётся подлечить нервишки. Наш босс поможет и в этом, поместит тебя в одну из всемирно известных психлечебниц. Я немного успокою тебя: к московской братии, которая утверждает, что спасает бизнесменов от других нахлебников и сейчас беспардонно требует от тебя плату за эту услугу мы не имеем никакого отношения. Я сотрудник другой организации, очень добропорядочной, занимающейся в основном благотворительной деятельностью, остановил тебя для того, чтоб сообщить: наш босс хочет лицезреть твой мужественный лик. Я жду тебя сегодня в четыре дня возле здешнего клуба, оттуда к боссу доставлю. Босс просил передать: заплатит тебе двадцать пять тысяч баксов, если станешь выполнять то, что он скажет. Будешь стараться – получишь премию на такую же сумму. Язык не распускай, разговор должен остаться между нами, в противном случае придётся подбирать для твоего рта замок, тогда тебе не позавидует даже подыхающий от голода бомж. Всё уяснил?

– Что за босс? – вымолвил я и, помнится, облизал начавшие пересыхать губы, так разволновался, хотя считал себя человеком с крепкими нервами.

– Фигура мирового масштаба. Лично знаком с министром финансов, в дружеских отношениях с советником президента по экономическим вопросам, консультирует тузов с запада, втолковывает им, как честным путём и в кратчайший срок стать миллиардером у нас в России, – объяснил малый.

Сказав это, он выглянул на ручные часы.

– Мы заболтались. Увидимся в четыре. Учти, наш босс любит точность.

– А... а что придётся делать? Не за красивые же глаза мне намереваются дать баксы, – всё же спросил я, и снова нервно облизал губы.

– Дело интереснейшее, сможешь потом сочинить мемуары, в которых будешь главным действующим героем. Как нам удалось узнать, когда тебя при социализме посадили, провалялся несколько месяцев в лазарете уголовной колонии, покалечившись на лесозаготовке, страдая от скуки, ты порядочно читал, пополнил своё образование, стал почти просвещённым человек, а после освобождения из лагеря попытался описать впечатления, полученные в местах лишения свободы, надеялся прославиться. Да в издательствах твоё творчество по заслугам не оценили. Если надумаешь повторить попытку, то учти, я подсказал эту идею, часть гонорара отдашь мне. Отвечая на твой вопрос, вот что скажу: к сожалению, я с министром финансов не встречаюсь, тузов с запада не консультирую, об этом только мечтаю. И не имею мандата, позволяющего в деталях рассказать, чем ты займешься, объяснит при встрече босс, наберись терпения.

– Я хотел бы...

Он перебил:

– Свои пожелания сообщишь в завещании, босс предоставит тебе такую возможность, выделит дополнительные деньги, чтоб ты мог заранее заказать для себя подходящий памятник и место на кладбище.

Малый забрался в машину и укатил, я же какое-то время сидел в кабине вездехода, глядя через стекло перед собой, ничего не замечая, прибитый неожиданно свалившейся на меня новостью, все еще ошарашенный, и пытался уяснить, как действовать. Возможность заработать обещанные баксы совершенно не радовала, сомневался – стоило ли с боссом из этой «добропорядочной организации» встречаться. Но встретиться придется, публика, судя по всему, серьезная, нельзя изображать – мне на эту публику наплевать.

У бомжа, так в основном стану называть найденного дядьку, даже не было вещмешка, ничего не было кроме надетого на тело тряпья. Тощий дылда ростом под два метра с узкими плечами. Ольге удалось его посадить. Лицо у бомжа тоже худое, но не как у человека истощенного – не обтянутый кожей череп, глаза проваливаются в пустые глазницы. Его губы, проступавшие среди подмоченной свалившейся бородки и усов, даже выглядели полными, нос больше нужного размера, и не закрытые волосом щеки не похоронно бледные, не прозрачные, тронуты загаром. Ольга возилась с дядькой и потому, что женщины более жалостливые, если сравнивать их с нами, с представителями сильного пола.

Я, наконец, перестал опасаться, что нас перестреляют, – хотели бы, то уже перестреляли бы, – вернулся к вездеходу.

Ольга же и поила бродягу из фляги, опустившись на колени, одной рукой поддерживала спину дядьки, другой подносила флягу к его губам. После первого же глотка тот потянулся губами к горлышку, забоявшись – больше не дадут. Он пил спирт как воду, даже не закашлялся, а алкоголь в девяносто шесть градусов должен был обжечь горло, если дядька давно не брал пищу в рот.

Дядька всех умело дурачил, ни Ольга, ни начальник этого, похоже, не замечали, понимал только я.

Петухов снова вспомнил, что он считается в отряде начальником, пытался выяснить, как найденный оказался в глухомани. Вместо ответа тот теперь издавал звуки, походившие на коровье мычание, его глазки теперь беспокойно двигались, явный признак того, что опасался – разоблачат, не поверят, что он бродяга, по велению судьбы оказался в этой дикой не посещаемой людьми местности.

Ему велели вымыться, дали мыло, полотенце, произносить слова уже мог, стянул с себя тряпье. Тело у него не скелет, мускулы тощие, были. Ручей почти пересох из-за продолжительного отсутствия дождей, но промоины похожие на мелкие озёрки встречались, к одной из них и подполз бродяга, вода на солнце подогрелась.

И новую одежду, найденную для него из взятых про запас вещей, бомж надевал без посторонней помощи, мог уже стоять. Одежда оказалась для его длинных рук и ног коротковатой, другой не было. Разве способен человек, не питавшийся хотя бы несколько дней, почти сразу ожить, едва его нашли? Всё равно скоропостижное выздоровление мнимого калеки не настояживало начальника.

Подобранный бродяга – бандитский резидент, у меня пропали последние сомнения. Его заблаговременно привели сюда, зная, что геологический отряд поедет по этой долине, надели на него тряпье, он мастерски исполнил порученную ему роль. Недаром бандитский главарь, фронт, говорил: в отряде за каждым моим шагом станет наблюдать его человек. А наблюдение мне совершенно не нужно, я пытался верить, что удастся из скверной истории выпутаться, получу от бандитов деньги, люди отряда останутся живыми, только не исключал, что мне придется хитрить. Хитрить, если за тобой следят, сложнее.

Я надеялся, мнимому бродяге объяснят, что он в отряде лишний, снабдят продуктами, покажут, как выбраться на трассу, с ним распрощаются.

Нет, сердобольный начальник повёл найденного к вездеходу, хотя Николай Николаевич перед этим отводил его в сторону и призывал сделать как раз то, о чем мечтал я, судя по тому, что эмоционально жестикнул руками, неприязненно посматривая при этом на «новый кадр».

Ольга помогла бродяге забраться в кузов вездехода через единственную заднюю дверцу, имелась металлическая ступенька в форме скобы.

Ближе к вечеру остановились на ночлег, то дядька изображать калеку полностью перестал, помогал ставить палатки, всеми силами стремясь показать, какой он ценный кадр, с готовностью забирался в росший на склонах кедровый стланик, – и приказывать ему не надо, – топориком довольно ловко рубил сухие ветки для костра.

Я на какое-то время забирался в свою индивидуальную палатку, лежал, отдыхая, а когда выбрался из нее, то с удивлением обнаружил – бомж без бороды и усов, и волосы на голове укоротил, теперь можно было определить его возраст – за пятьдесят, как и мне.

– Ты что, побывал в парикмахерской? – поинтересовался я, к нему подойдя.

– Мне бритву дали. И ножницы, – похвастал он.

Я хотел спросить: разве у тебя усы и борода были не приклеены? Да вовремя вспомнил – мне разоблачать резидента нельзя.

Со мной он деловой разговор не начинал, значит, выполнял данную ему бандитами инструкцию – я не должен знать, кто он на самом деле, станет за моими действиями скрытно наблюдать, как пообещал главарь банды, фронт.

Его расспрашивали в основном после ужина.

До чего же начальник близорукий человек! – я продолжал удивляться.

Так и Ольга, без совета с которой Петухов ничего не предпринимал, дальнорукостью не отличалась, причину этого я мог объяснить лишь тем, что дядька начал уделять ей повышенное внимание. Хотя резидент носатый, сутулый, а страшным не был, и не старик. И он оказался отличным артистом, догадался нарвать букетик диких цветов и преподнёс даме, при этом галантно расшаркался, говорил комплименты, старался поцеловать даме руку, можно подумать, что перед вами джентльмен, причём позапрошлого века, когда дворяне ради защиты чести, ради женщины стрелялись на дуэли. Ольга хотя бы задала себе вопрос: способен ли на благородные поступки бродяга с пятнадцатилетним стажем, каким он себя рисовал?

Он о себе рассказал: два месяца тому назад покинул Магадан. Большинство бомжей на летний период расползаются по колымскому краю. Зимой он обитал в подвалах городской канализации, осматривал помойки в поисках продуктов и вещей, наверняка воровал, хотя в этом не признался.

После того как Ольга забралась в свою палатку, то дядька поразил всех – исполнил арию из какой-то оперы, встав перед входом в палатку на колени, прижимал руку к груди, как настоящий выступающий на сцене артист, изображающий безумно влюбленного, готового ради своей возлюбленной на подвиги и любые жертвы. Он признался: прежде занимался в вокальном кружке при заводском клубе. Ему советовали поступать в музыкальное училище, да... Он не один раз изображал смущение.

Тридцатипятилетней женщине ухаживание нравилось, появился кавалер, не отходивший от неё ни на шаг. Вообще-то, хотя она была женщиной строгой, волевой, однако была способна и поддурчиться, посмеяться, тогда её серые большие глаза становились веселыми, теплыми, улыбка красила лицо. Иной раз она боролась с рабочими – с Сергеем и Константином. Парни шаловливые, в головах ветер, так о таких людях говорят, жили сегодняшним днем, приставали к даме ради развлечения, играючи. Их же она по утрам вытаскивала за ноги из палатки и обливала водой, и поступала так не только для того чтоб быстрее поднять лежебок, из-за озорства. Эти парни были членами банды, как я стал тогда догадываться. Их арестовали за четыре дня до нашего отъезда из поселка, теперь сидели в камере отделения поселковой полиции, должны отправить в Магадан, где и будет решаться судьба, вот почему в отряде осталось только шесть душ.

Разговор начальника и Николая Николаевича я подслушал случайно, как раз в тот вечер, после ужина покинув лагерь. Лоток для промывания золота не захватил, как делал обычно, хотелось лишний раз обдумать ситуацию, и чтоб этому не мешали, и надеялся, хотя и слабо – бандиты где-то рядом, по каким-то причинам пока ничего не предпринимают, выйдут ко мне, что-то сообщат, тогда мне станет понятнее, как лучше действовать.

Я уже возвращался, примерно полчаса спустя, когда увидел – приятели направлялись из лагеря по долине в мою сторону. Встречаться с ними не было ни малейшего желания. Я опустился на колени, заполз за ближайшие кусты кедрового стланика.

И надо же такому случиться, они остановились недалеко от меня.

Как я и предполагал, старик считал: найденного дядьку нужно снабдить продуктами и отпустить на все четыре стороны. Либеральный же начальник говорил: так поступать бесчеловечно. В ответ слышал: нормальный человек в такую глушь не заберётся, хорошо, если бомж только сворует и сбежит, либерализм может нам дорого стоить. Петухов продолжал не соглашаться, вспомнил рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни» – человек пытался выбраться к людям, вокруг глушь, тундра. Он так же сказал, что после ареста наших рабочих – Сергея, Константина и Клавдии народу осталось всего шесть душ, в маршруты обязаны ходить парами, не хватает как раз одного человека... Работяг и повариху арестовали за четыре дня до нашего отъезда из поселка, как я начал догадываться, парни были членами банды, теперь сидели в камере поселковой милиции, отправят в Магадан... Начальник сказал, что ему и прежде доводилось принимать на работу бомжей, которые не имели и паспортов. Старик не соглашался, говорил, что Петухову до сих пор везло, бродяги оказывались только пьяницами, может попасться и убийца, с найденного придется не спускать глаз. Беда нашего покоління в том, что многие из нас многие из нас до сих пор не могут вжиться в теперешнюю действительность, Петухов один из таких. Нас учили: мы не должны забывать о долге, о человеке, о моральных принципах. Кто их сейчас придерживается? О них говорят политики, и то не часто.

Мне хотелось подняться в рост, не очень прилично, если эти двое обнаружат меня, вот только выдавать свое местонахождение нужно было раньше.

Старик не первый раз высказывался не лучшим образом о теперешней действительности. Похоже, он понимал: в нашем обществе произошли изменения и с этими изменениями нужно мириться, их придерживаться, даже если они не нравятся, неудивительно, что он критиковал своего консервативного друга. Понимать-то он понимал, а сам...

Расскажу, как между мной и стариком установились не лучшие отношения, с первой же нашей с ним встречей.

Он прилетел к нам позднее, отряд уже работал, в местах не диких, меня послали на вездехе за ним на Магаданский аэропорт. Я купил десяток бутылок водки.

– Алкоголик? – спросил старик, наблюдая, как я помещаю бутылки под водительское сидение.

Мне захотелось послать его куда подальше. Однако решил лишь слегка пошутить.

– До сих пор алкоголиком меня никто не считал... Этот продукт можно выгодно продать, когда будем проезжать мимо всеми забытого посёлка.

На самом же деле несколько бутылок попросила купить Ольга – будем отмечать дань рождения начальника, и заберёмся в дикие места, самому пригодятся.

– Значит, вы спекулянт.

Голос резкий, слова не говорил – рубил, и продолжал глядеть на меня как на преступника.

Я и на этот раз постарался скрыть возникшие к старику чувства. Но с какой стати он меня учит!

– Вы, похоже, отстали от жизни. Это прежде такая деятельность считалась спекуляцией, преследовалась, теперь наоборот всячески приветствуется, называется бизнесом. Любой торговец продает не то, что сам производит. Купил товар и я, почему бы не продать, не получить прибыль.

Старик промолчал, от машины отошёл, враждебно сжимая губы, будто ему даже находится со мной противно. В кабину рядом со мной не сел, демонстративно забрался в кузов.

Несколько дней спустя мы задержись на сутки в посёлке, двое молодых местных жителей – молодожёны, – упросили перевезти холодильник, диван из одного дома в другой, устраивали себе гнездо. Старик застал меня за этим занятием.

– Как вы смеете использовать неличный транспорт, зарабатывать для себя деньги в рабочее время!

– Откуда вы знаете, что я зарабатываю?

– Такие, как вы, только и стараетесь этим заниматься.

На этот раз я не сдержался:

– Да пошёл ты куда подальше!.. Если уж очень хотите, то расход бензина могу оплатить из своего кармана...

Я и старик по-разному смотрели на жизнь.

А вот неприязненное отношение к подобранному бродяге и желание от него избавиться у меня и старика совпадали, хотя он не мог даже предположить, кто этот тип на самом деле.

Я собирался идти на встречу с незнакомым мне бандитским боссом.

Подвёл начальник – заставил нас заниматься наведением порядка в нежилом доме, самом крайнем в посёлке, в котором нам разрешила на неделю поселиться местная власть

Знакомого малого я заметил около восьми. Он издали поманил меня пальцем, подзывая. Работу закончили, я мог отлучиться.

Подойдя к малому, я извинился, сказал, что постараюсь встретиться с боссом завтра, пускай назначит время.

– Ты, видимо, плохо меня понял. Сегодня наш босс может и простит тебя, в следующий раз даст команду, и мы напомним – ты не из железа, человеческие кости легко ломаются. Следуй за мной.

Мне угрожали, что не понравилось. Однако я не забывал, с кем имею дело, лучше поберечь свои эмоции для более подходящего раза.

Малый подвёл меня к известной мне «Ладе». Намереваясь в неё забраться, я нагнул голову и замер, разглядев: на заднем сидении возвышался громила с аршинными плечищами, с малоподвижными и мелкими глазками на широком, как суповая тарелка, лице. Подбородок у боевика массивный, губы сжаты, как у быка, всегда готового к бою, коротко подстриженные волосы усугубляли впечатление, что лобовая кость удивительно крепкая, пуля от нее отскочит, за костью пустота.

Мне разом расхотелось куда-либо ехать. Правда, я сообразил, что лучше проявить вежливость.

– Знаешь, я всё же встречу перенесу, есть срочное дело.

– Свои пожелания будешь высказывать на том свете в окружении ангелов, если тебе всевышний предоставит такую возможность, не сразу упечёт в ад. – Он не забывал улыбаться, пригласил: – Прошу, пан, садитесь.

Видя, что я колеблюсь и не двигаюсь с места, он уговаривать не стал – неожиданно ударил кулаком меня в солнечное сплетение. От резкой боли меня перегнуло пополам, придти в себя не успел, мою руку ловко скрути за спину, с силой толкнули в спину – я ввалился в машину головой вперёд, задев плечом дверной косяк. Громила с мрачной наружностью обхватил меня за печи и втащил в кабину.

Это слишком! Забываясь, я сгоряча намеревался отбиваться кулаками, да тесно, не размахнуться. К тому же, вовремя опомнился, вспомнив, с кем имею дело, мою отвагу оценить будет некому.

Отодвинувшись от громилы подальше, я застывшим взглядом смотрел на затылок сидевшего за рулём малого, с агрессивным желанием не распрощался, так сжимал напрягшиеся пальцы, что отросшие ногти до боли вминались в мякоть ладоней.

Острык снова начал шутить:

– В священном писании сказано: ударили по правой щеке – подставь щеку левую...

В центре колымского поселка меня заставили вылезти из машины и повели – один бандит впереди, другой, громила, сзади. Посёлок такой, что усиливал охватывавшие меня негативные чувства, – многие дома в два этажа, если их и ремонтировали, то во времена социализма, вид имели неприглядный, наверняка жившие в них последним словом ругали местную власть. И кругом ни одного посаженного деревца, пыльно, голо, словно посёлок строили для заключенных, не для нормальных людей, только забыли окружить колючей проволокой. Сказывалось, что посёлок находился на шестьдесят второй северной параллели, Колыма, зимой зверские холода, лето короткое и неустойчивое, не до красоты, не до благоустройства территории.

Перед дверью нужной квартиры на втором этаже малый обыскал меня, прощупав всего. Я и эту выходку стерпел.

Открыл мужчина лет сорока с хорошей спортивной фигурой, с модно уложенными русыми волосами. Судя по уверенному и внимательному взгляду, он знал себе цену и не глупый. На мужчине белоснежная безрукавка, короткие шорты тоже светлые, благодаря ним выделялись стройные загорелые ноги, такое впечатление, что он недавно прилетел с Итальянской Ривьеры или с Канарских островов, где не один час провёл на пляже.

– Проходите, – вежливо пригласил франт.

И он рукой подал знак своим молодцам, чтоб заходили тоже.

Квартирка двухкомнатная, малогабаритная, на окнах простенькие занавески, мебель обывательская. Судя по всему, квартира принадлежала людям среднего достатка, уехали куда-то, «добропорядочная организация» арендовала помещение.

– Жаль, что вы не пришли ко времени, как я просил. Или вас плохо информировали?

Задав такой вопрос, босс посмотрел на малого. Тот нисколько не смутился, сказал: сделал так, как ему велели, и об этом докладывал.

У меня настроение оставалось прежним, не мог простить насилия над собой, даже на босса поглядывал враждебно, не имел ни малейшего желания оправдываться, тем более не собирался лебезить, пускай фронт видит – перед ним не собираются ползать на коленках, по своему жизненному опыту знаю – волевые люди уважают такого же противника.

– Мне известно о вас все, как и обстоятельства, заставившие бежать из столицы. Буду краток: вы нужны мне, кое-что хочу вывезти, не из этого посёлка, из мест, куда как раз направится ваш отряд.

После испытанного насилия, я окончательно понял – нужно отказаться от заготовленного для меня бандитами предложения, только не стоило говорить об этом сразу, открыто.

– В отряде есть начальники, толкуйте с ними... Вот если вам необходимо отремонтировать машину, любой марки – я готов, работаю быстро и качественно. Правда, аппаратуры у меня здесь нет, провожусь дольше обычного, но сделаю... Я частный предприниматель, работаю по вызову, жена диспетчер, сидит на телефоне. У кого-то в дороге отказал двигатель, сам не справляется, звонит мне на квартиру, жена сообщает, немедленно выезжаю. Бывает, вызывают и на место аварии. Свой бизнес рекламирую по Интернету. Кое-кто по Интернету же объявляет мне благодарность, служит для меня рекламой. Клиентов хватает.

– Ремонтировать машины нам не надо.

– Обращайтесь к начальникам, я повторяю снова.

– Договариваться с вашим Петуховым бесполезно. О нём можно сказать – человек из прошлого, положительный во всём: хороший семьянин – имеет четверых детей, – политика его не интересует, за деньгами не гоняется. А вы... Подходящая для нас кандидатура – во времена социализма сидели, в девяностые годы, когда развалился Советский Союз, были в банде.

– Ну, не в банде, – я даже слегка сконфузился и непроизвольно начал тереть ладонями бока штанов, – организация занималась не совсем законной деятельностью, так правильнее сказать... Работал автомехаником в таксопарке, платить перестали, кругом развал, в зоне, где сидел, я подружился с одним, разыскал меня, взял в свою команду. Я был у него личным водителем, и автомехаником, если надо.

– Не прибедайтесь, вы участвовали и в основных делах команды – запугивание клиентов, борьба с конкурентами, отношения выясняли и с применением оружия. То время называют бандитским капитализмом... Между прочим, водитель, который должен был работать в отряде, мой человек. Я позволил вам занять его место только потому, что не сомневался – с вами договорюсь. Помимо вашего прошлого мне понравилась и ваша предприимчивость. Вам необходимо было из Москвы исчезнуть и этого добились, применив, между прочим, по отношению к моему водителю недозволенный метод.

Я снова слегка смутился, заюли глазами.

– Так получилось. Этого не хотел.

– Короче, вы станете выполнять то, что прикажут мои люди. Операция будет протекать так, что никто не сможет вам мешать, в том числе и начальники.

Мне захотелось спросить: как вы намереваетесь это организовать – отправите всех людей отряда на тот свет? Тогда, извините, я тем более не с ними. Но говорить такое не следовало. Всё ещё надеюсь – удастся не работать на бандитов – я решил проявить дипломатию.

– Мы заберёмся в глухомань, где обитают лишь горные бараны, может медведи. Откуда там взяться вашим людям?

– В нужное время узнаете, – объяснил Франт, моему вопросу не удивившись, – отказываться не пытайтесь. И предупреждаю: мои люди будут следить за каждым вашим шагом. Если начнёте лукавить – не позавидую вам, теперь вы кое-что знаете, и расставаться с вами, дружелюбно пожав руку, было бы легкомысленно. И не забывайте: у вас семья – жена, сынишка, должны думать, чтоб с ними ничего не случилось. Могу только сказать: я заинтересован, чтоб сотрудники отряда вернулись из экспедиции целыми и невредимыми, кровь мне не нужна и, надеюсь, так и случится. Это будет зависеть и от вас, от вашего поведения, выполняйте то, что вам скажут... Михаил, доставь его на их базу, – приказал он своему бандиту.

И он прошёл в смежную комнату, показывая, что кончает разговор со мной.

Малый, бандит, открыл дверь и ждал, когда я покину квартиру.

Франт прилетел из Москвы, мне окончательно стало ясно, банда не местная, московская. Судя по манерам этого человека, как культурно разговаривал, обучался в университетах, может законам права, сейчас как раз такие чаще всего и возглавляют «добропорядочные организации», не воры в законе, как прежде, приветливо улыбается, голос вкрадчивый, наверняка сердце из льда. И стало так же ясно: попал в скверную историю, придется смириться, иначе...

– Вот на тебя посмотреть, внешность такая, что кажется – создан для великих свершений, боец, а внешность вещь обманчивая, на самом деле ты обычный обыватель, и работу выбрал цивилизованную – ремонтируешь автомашины. Тебя босс взял не только потому, что ты сидел, в девяностые годы был в организации занимавшейся и нелегальной деятельностью, учел так же и твой обывательский недостаток – ты же струсил, из организации своего друга сбежал. Исходя из этого, босс предполагает: сейчас не решишься своевольничать, будешь действовать так, как велит он, – заметил малый, ведя меня к своей «Ладе». – Хотя в те годы и правоохранные органы захромали, всё равно кое-кого ловили, судили, сажали. И приходилось то и дело хоронить кого-то из своих бойцов, ты побоялся – могла дойти очередь и до тебя. Ведь так?

– Ну, не струсил, а... голову на плечах имел, не хотелось голову терять, называй обывательщиной или как хочешь. И минули годы застоя, можно было иметь нормальную работу.

– Сейчас со своим другом встречаешься?

– Приглашает меня на свой день рождения.

– Отмечает его в шикарном холле. Так?... А каким образом ты влип, что пришлось бежать сюда, на Колыму? И откупиться не смог.

Оказывается, завербовавшим меня не всё было известно. Однако я не собирался рассказывать, как меня посетил представитель банды, занимавшейся обиранием и некрупных бизнесменов.

На следующее утро долговязый дядька не ухаживал джентельменски за Ольгой, как накануне, теперь к ней настойчиво приставал, вместо того чтоб готовить завтрак. Его в тот день назначили дежурным.

После ареста в поселке и поварихи Клавдии и неудачной попытки завербовать повариху из жителей местных готовить еду хотели поручить мне, обещали дополнительно платить. Я отказался, сославшись на то, что никогда не занимался кулинарными занятиями, мою стряпню вряд ли кто-то станет кушать. В результате главным поваром пришлось стать Ольге, для остальных людей отряда, кроме начальника, установили график дежурства. Ольга до того деятельная женщина, что согласилась с новыми, дополнительными для неё обязанностями. И вот в то утро дежурным назначили «новый кадр».

Вместо того чтоб помогать Ольге, дядька при любой возможности хватал женщину за руку, пробовал обнимать, что-то говорил, возможно, признавался в неожиданно вспыхнувшей любви. Даже казалось, он готов оттащить Ольгу от лагеря и изнасиловать, раз она от его притязаний отказывалась, хотя, конечно, попытка окончилась бы для него позором, он только

длинный, похвастать силой не мог, тем более имел дело с физически мощной женщиной. Это видели все. Не вмешивался и начальник, хотя обязан был навести порядок. Он имел привычку ходить вблизи лагеря с отсутствующим взглядом – слегка тронувшийся из-за любви к своей профессии, так о нём можно сказать, – и в то утро до завтрака вышагивал туда и обратно в стороне от палаток, никого не замечая, обдумывал и решал геологические проблемы.

Ольга привыкла, чтоб считались с её интересами и желаниями, тут вдруг без стеснения добивались близости с ней, причём в присутствии людей отряда. Только вначале она думала – кавалер шутил, затем стала бить распоясавшегося ухажера по рукам, отталкивала и всё больше раздражалась. Наверняка она запоздало сожалела, что вчера чуть ли не заигрывала с дядькой. Наконец, когда насильник попытался обнять её в очередной раз, она, окончательно рассердившись, с такой силой толкнула наглеца, – это сделать могла, – что тот беспомощно замахал руками, пытаясь задом, не устоял на ногах, плашмя повалился на куст кедрового стланика, расскрёк о ветки щеку.

Какое-то время дядька не поднимался на ноги, только сполз с куста, болезненно морщился и осторожно прикасался пальцами к повреждённому месту, затем пригрозил:

– Всё равно будешь моей.

– Тебе только вначале придётся меня убить.

Ольга молодец, ответила достойно, и хотя с неприязнью смотрела на ухажера, а пошутила, даже изобразила на лице усмешку.

– И убьём.

До этой минуты Николай Николаевич то забирался в палатку, то бесцельно бродил, бросая враждебные взгляды на бомжа, явно нервничая. Можно предположить, он не вмешивался потому, что вчера не прислушались к его мнению – прогнать бродягу, – и сейчас думал: пускай все видят и убеждаются, кто был трижды прав, – надеялся, Петухов поймёт, какой ценный кадр взял в отряд, и изменит своё первоначальное мнение. Услышав угрозу бомжа, старик, наконец, высказался:

– Вы забываете, что вас подобрали, из жалости оставили в отряде. Хотите, чтоб вас прогнали?

– Только попробуй, – вот что на это ответил бомж, несколько не испугавшись.

Он действовал уж слишком открыто, и у меня возникло предположение: не напился ли? Ночью забрался в кузов вездехода, своровал спиртовые настойки, разыскав чемодан с медикаментами, или там же нашел водку, которую я покупал по просьбе Ольги...

После завтрака собрались, погрузились в вездеход, продолжили путь. Время от времени останавливались, если Петухову казалось, что ехали по месту интересному в геологическом отношении. Как вел себя дядька, сидя в кузове вездехода при его движении, не знаю. Он в разведку не ходил, его только принуждали вылезти на волю, садился на землю, сутулился, потеряв ко всему интерес, казалось, приходил в себя. К Ольге он теперь не приставал, изнасиловать не пытался, такое впечатление, что протрезвел, зато лишился сил, возможно, понял также, что перестарался, нельзя рождать к себе враждебное отношение, запоздало вспомнил, что появление банды запланировано не сегодня.

Старик тоже оставался возле вездехода, за «новым кадром» наблюдал, не доверяя.

Мы в тот день к вечеру добрались до другой долины, как начальник и планировал, которую прогрызала полноводная река Хата, бравшая начала на континенте, уже набравшая силу, стремившаяся быстрее докатить свои воды до ещё более мощной реки Колыма, та в конечном итоге до Ледовитого океана.

Как раз в тот вечер я обнаружил на сидении вездехода записку. В ней всего два слова: «Стоять здесь». Слова написаны печатными буквами. Если до этой минуты у меня тлела

надежда, пускай и слабая: у бандитов сорвётся задуманное мероприятие, – теперь не стоило на это рассчитывать.

Выполняя приказ, вспоминая бандитов недобрым словом, я принялся разбирать мотор, через какое-то время сообщил начальнику: вездеход срочно нуждается в ремонте, завтра продолжать путь нельзя, если не хотим лишиться транспортного средства.

Петухов расстроился, отправился советоваться с Ольгой. Вернувшись, он сказал: завтра оставляет в лагере и Анатолия, пускай помогает. Я начал было говорить, что справлюсь один. Потом решил не спорить.

Я всё меньше верил, что бандиты оставят людей отряда живыми. И окончится ли для меня благополучно детективная история, в которой оказался, если и буду выполнять все требования бандитов? – я стал задавать себе этот вопрос. Однако вот что скажу: меня страшила даже не собственная смерть, единственный человек, которого в этой жизни люблю, – мой пятилетний сынишка, останется без отца.

В маршруты в то утро отправились двумя парами – Петухов со своим другом Николаем Николаевичем, Ольга с Мальчиком, с Юрием Борисовичем. Бомжа едва заставили выбраться из палатки, ходил как инвалид, во время завтрака не мог удержать в руке ложку, поднося к беззубому рту, и его не взяли в маршрут, чтоб посмотреть, на что годен.

Пока геологи оставались в лагере, я изображал, что занялся ремонтом двигателя вездехода, отыскивал несуществующее повреждение. Едва они скрылись, уйдя по долине, я забрался в кабину, вытер тряпкой слегка перепачкавшиеся руки и стал обречённо ждать развитие дальнейших событий.

Потом захотелось хоть немного избавиться от упадочного состояния, отогнать лезшие в голову паршивые мысли, вытащил из-под сидения бутылку водки, начальники в маршруте, меня не осудят. И решил достать из кузова нужные продукты, расстелить на гальке целлофановую скатерть, устроить небольшой кайф. Что я и сделал. Накануне я смастерил скамейку из двух чурбаков и доски, сидеть на ней удобно.

И вот о чём я стал здраво думать: раз я всё меньше верю бандитам, то нужно завербовать сообщника, хуже не будет.

Поразмыслив, я пришел к выводу: из всех людей отряда могу говорить лишь с Анатолием, хотя он не симпатичен мне, но вражды между нами не было. Почему я негативно относился к золотой молодежи понятно, мне приходилось зарабатывать на жизнь своим трудом, знал – никогда не достигну уровня жизни потомков богатых родителей.

Молодой не вспоминал, зачем начальник оставил его в лагере, не интересовался, нужна ли помощь, с удобством расположился на берегу реки, сделав из надувного матраса кресло и усевшись на него, загорал, раздевшись до пояса.

Подзывая его, мне пришлось призывно махать рукой, не только кричать.

Самонадеянный юнец подходил ко мне, надев свою модную безрукавку, не спеша, с пренебрежительной усмешкой на губах – показывал, что он человек самостоятельный, подходит лишь потому, что захотел сам. Я постарался этого вызывающего поведения не замечать.

– Хочу с тобой потолковать и кое-что сообщить. Присаживайся. Заодно выпьем.

– И за что будем пить?

– Чтоб остаться живыми.

– Тост интригующий. Я-то думал, вы пригласили меня для того, чтоб сделать своим компаньоном в промывании золотоносного песка. Начальники ушли, самое время обсудить эту проблему. Успех предприятия обеспечен, его же возглавляет такой атаман, как вы.

Напоминание о незаконной деятельности я решил пропустить мимо ушей. Я действительно занимался промыванием песка, не ради прибыли, в маршруты не ходил, не люблю сидеть без дела. А сравнение меня с атаманом не обидело, имею сходство с прежними пред-

ставителями казачества – коренастый, плотный, с прямыми рублеными плечами, сразу видно, что силу имею, хотя от возраста и размеренной жизни округляются когда-то литые мускулы, появился животик. Прилетев на Колыму, я отращивал усы и бородку, не ленился делать бородку фасонной – с бакенбардами, снизу под губой и под подбородком заканчивалась ровными линиями, мое лицо выглядело более мужественным, заодно таким способом компенсировал убывание волос на голове. Я имел привычку сидеть, раздвинув ноги, обутые в кирзовые сапоги с подвернутым верхом, иначе в голенищах не умещались мускулистые икры.

– Вот что, я позвал тебя не ради болтовни. Для начала расскажи, как ты оказался в отряде.

– По велению судьбы. Существует высший разум, неважно как его называть – Богом или иначе, всё создал. Он не материальный, информационное поле, если говорить современным техническим языком, всем и управляет. Судьба каждого человека запрограммирована и заложена во всемирном информационном центре.

Молодой говорил так, будто перед ним невежда, он, так и быть, этого невежду слегка просветит. Он стоял передо мной, подперев левой рукой бок, и презрительно усмехался, неудивительно, что у меня пропадало желание сделать самовлюбленного юнца помощником, даже захотелось его наказать, и мог, в молодые годы серьезно занимался штангой, был третьим призером столицы во втором среднем весе.

– Не умничай, – заметил я, недовольно поморщившись. – Умничаешь потому, что избалован излишне. Твой родитель – преуспевающий бизнесмен, разбогател с помощью противозаконных махинаций, или большой чиновник, не стесняющийся брать взятки и класть бюджетные деньги в свой карман, тебе даёт денег, сколько попросишь, продолжатель папиного рода, потому что считает – тогда ты будешь родителей любить, станешь послушным мальчиком. У тебя не жизнь, а сплошная малина. Я правильно мыслю?

– Вы поразительно прозорливы.

– Ты спишь до двенадцати, потому что вечер и ночь были тяжёлыми – ночные клубы, девочки. Служить в армию не пойдёшь, родитель от этого занятия откупит, пошлёт учиться в заграничный колледж или в какую-нибудь нашу платную престижную Академию. Может он сразу купит тебе диплом, позволит немного побездельничать, затем пристроит в солидную фирму, благодаря своим обширным связям, там тебе поставят условие, понимая, какой ты ценный кадр: занимайся, чем хочешь, только не прикасайся ни к одной бумажке, иначе такое натворишь, что наша процветающая фирма сразу обанкротится.

– В ваших рассуждениях намечается противоречие, я сейчас провожу время не в ночном клубе, вместе с вами в дикой Колыме, – заметил представитель золотой молодёжи, кривя губы, теперь уже точно изображая презрительную усмешку.

– Ты еще скажи, что помимо веления судьбы отправился на Колыму в поисках романтики, – как можно язвительнее заметил я.

– Почему бы нет. Причём хочу, чтоб романтика была полной. Здесь, на Колыме, где мы находимся, сотовая связь отсутствует, я мог бы взять телефон спутниковый, чтоб связываться с преуспевающим бизнесменом родителем, этого не сделал... Вы, конечно, не читали «Земля людей», Экзюпери. Французский писатель, одновременно был лётчиком, возил срочную почту и летал над Кордильерами, над Сахарой, участвовал в борьбе с Гитлером и погиб в сорок четвертом. Колдовская сила ремесла лётчика открывала перед ним иной мир. Он сражался с чёрными драконами, увенчанными гривами синих молний, с наступлением ночи вырывался на свободу и прокладывал путь к звёздам. Обывателей он сравнивал с термитами. Они построили для себя тихий мирок, замуровали все выходы к свету. Они не жители планеты, несущейся в свободном пространстве.

– Ты хочешь сказать, что у тебя такие же интересы, как у Экзюпери?.. Если б ты прилетел на Колыму ради романтики и сражения с чёрными драконами, то не ходил бы с кислой физиономией, вроде тебе всё надоело, шевелиться и то не хочется. Не посылай тебя началь-

ники в маршруты – сидел бы в лагере. Я догадываюсь, почему ты здесь – попал в скверную историю, из которой и богатый родитель не мог выручить, пришлось срочно уносить ноги, а надежде отсидеться в дальних краях до лучших времен, когда страсти улягутся. Мне это знакомо. (Я, конечно, не собирался сообщать, что как раз по такой причине оказался на Колыме). Жизнь пошла у тебя не гладко, жить как-то надо, ты и цепляешься за романтику в надежде, что появится какой-то свет. И романтика была в моде прежде, сейчас у всех на уме деньги, тем более у таких кадров, как ты. Ваша романтика – прожигать время в казино, ночных клубах...

Я замолчал потому, что насторожило поведение ушедшего к реке долговязого дядьки – упал на колено, словно подобоострастно преклонялся перед любимой женщиной, одну руку прижимал к сердцу, правую артистически выбросил вперёд, стремился показать, что ради своей возлюбленной даже готов продать себя в рабство. Вот он, похоже, начал исполнять арию из оперы, слова не разобрать из-за приглушённого гула находившегося ниже по течению примерно в полукилометре от нас порога. И вдруг он поднял руку и выстрелил, не в воображаемого противника, в воздух. Ракетный заряд стремительно взвился в небо, раскрылся, потом замедленно опускался, соря огонь вокруг себя.

Когда в небе вспыхнула вторая ракета, я вслух выругался.

– Это он подаёт сигналы «своим», указывает наше точное местонахождение. И такое впечатление, что он выпил, еще прошлой ночью спер из кузова медицинские настойки или водку. Пьяный, а о полученном от банды задании не забыл. Ракетницу тоже украл. Цирк с пением устроил для того, чтоб сбить нас с толку... Скоро нагрянут основные бандитские силы. наших ушедших в маршруты геологов мы больше не увидим. И вряд ли найдем их трупы. Да нам, пока еще живым, теперь будет не до поиска трупов

Я снова понял, что сообщник необходим.

– Давай, присаживайся, расскажу тебе кое-что.

Как я позднее узнаю, из маршрута вернулся только Николай Николаевич, от усталости и переживаний едва держался на ногах, странно, что сумел дойти. Он без штормовой куртки, на нём лишь рубашка. Когда он увидел, что вездехода нет, обнаружил – исчез и водитель, то есть я, то об усталости ему пришлось забыть.

Молодого он вытащил из палатки за ноги. Вид этого представителя золотой молодежи наверняка его поразил – стильные джинсы и модную безрукавку будто изжевала корова, одежду безобразили жирные пятна, прилипали к материи хлебные крошки и кусочки мясных консервов. Вчера пьяный, плохо соображавший парень ползал по расстеленной мною целлофановой скатерти, раздавливая продукты, оказался не крепок на выпивку. У золотой молодежи лишь гонора много. На требовательные вопросы Молодой не отвечал, с изумлением осматривал себя, стараясь вспомнить выпавший из головы вчерашний день, даже забыл презрительно усмехаться, что делал обычно, когда его стыдили или ругали. Старик готов был убить юнца взглядом убить. Понял: только теряет время.

Долговязый дядька спал лёжа на гальке в неудобной собачьей позе, свернувшись калачиком, по пояс голый. Ночь была прохладной, на Колыме это обычно, тем более мы забрались в горы, раз дядька не замерз, то, возможно, ему действительно доводилось ночевать в малоприспособленных для жилья условиях. Старик занялся им – оседлал, сев на длинную спину, и принялся с силой растирать уши, безжалостно хлестал по щекам, мычащий дядька пытался приподнять голову, тут же ронял. С представителем золотой молодежи старик так расправляться постеснялся, с бродягой же не собирался церемониться. В отличие от нашего начальника, старавшегося воспитывать подчиненных с помощью разговоров, старик способен на жестокие поступки, либералом не был.

Частично привести пьяного в чувство старику удалось лишь после того, как облил из кастрюли, перевернув на спину, причём умышленно старался, чтоб вода попала в рот, в нос и помешала дышать.

Захлебнувшийся бомж долго трясся от кашля, отхаркивал попавшую в легкие воду, сумев приподняться, удерживал своё длинное тело, опираясь локтями на гальку, на ноги не вставал, уставился в одну точку, изредка замедленно моргал, и казалось – в любой момент на гальку снова обессилено повалится.

Вернувшийся с реки Молодой всё же стал отвечать на вопросы, перед этим забравшись в палатку и переодевшись. Хотя его позорили и обзывали нехорошим словами, однако он оправдываться не собирался, теперь кривил губы, как и обычно изображая усмешку.

В конце концов, старик всё же сумел заставить Молодого и бомжа идти за ним, велел им взять зачехлённую палатку.

Уже в пути срубили две невысокие лиственницы, обтесали от веток, жерди понесли. Бомжа шатало, цеплялся ступнями за попадавшиеся на пути камни и едва не падал, натёкался на кусты кедрового стланика, жердь то и дело ронял и поднимал не сразу, бубнил себе под нос, кляня всё и всех. Старику приходилось останавливаться, ждать, так сжимал челюсти, заставляя себя молчать, понимая – говорить, стыдить бесполезно, что наверняка болели зубы.

Почему старик не оставил бомжа в лагере? Опасался – дядька сворует продукты, одежду и сбежит.

Петухов лежал под огромным контрастно выделявшимся на склоне каменным наростом. Такие коренные обнажения геологи называют дайками. Небольшую площадку под дайкой расчистили от отколовшихся камней. Открыв глаза и увидев приближавшихся людей, начальник приподнялся на локтях – и обессилено повалился на спину, стукнулся о каменистую поверхность затылком. Рядом с ним дымился костёрчик. Ольга только что принесла охапку сушняка. За сушняком ей приходилось спускаться по голому склону до места, где начинал расти неприхотливый кедровый стланик, причём ходила с ружьём, хотя оружие мешало носить палки. На ней, как и на старике, из верхней одежды лишь рубашка, свои штормовые куртки они подстелили под Петухова, лежал не на голом камне, всё равно такая подстилка мало выручала покалеченного человека, мог успеть за ночь простыть, заболеть, тепло костёрчика уходило вверх, если и грело, то лишь бок.

– Что... в лагере? – с трудом спросил начальник. – Ты отсутствовал очень долго.

– Разве обернёшься быстро, – зло проговорил старик, зло же сжимая зубы. – Эти двое напились, вездеход и шофёр пропали.

– Как пропали?

– Вот так!

Старик произносил слова резко, на всех глядел враждебно, так на него действовали события, а, конечно, ему нужно было проявить дипломатию, не травить душу искалеченного начальника, сказывалось, что он не привык обращать внимания на состояние людей.

Потом Ольга и старик отошли в сторону, решив наедине обсудить происшествие.

– По Василию стреляли из карабина с глушителем. Я находился рядом, выстрела не слышал, – заговорил старик, сумевший немного успокоиться. – Пуля расплющилась о камень, осколки ранили Василия, он и сорвался.

– Пока вас не было, я постаралась осколки из плеча удалить. Василий Викторович по-прежнему думает, что сорвался из-за нерасторопности.

– Не стоит его пугать, и раскрывать правду... Кто стрелял? И зачем? И нет вездехода... Когда я спустился в лагерь, то решил: ваш Вячеслав Данилович отправился с утра пораньше искать золото. Лоток для промывания он купил или смастерил сам. Я не раз указывал Василию на подпольную деятельность его подчинённого, да он... Говорит, формально запретить

не может. Так в лагере я подумал: шофёр угнал машину ради поиска золота. А сейчас... Боюсь, что выстрел по Василию и исчезновение вездехода имеют связь. Мы остались без продуктов, без большей части снаряжения. И без вездехода нам отсюда вместе с искалеченным Василием не выбраться. Только бы найти вездеход. И нет Юрия Борисовича.

– С Юрой мы расстались, решив обследовать большую площадь. Я увидела в небе посылаемые вами сигнальные ракеты, догадалась – что-то случилось, – заспешила к вам. Юре кричала. Вероятно, он не услышал, и ракеты не увидел.

– Об этом вы рассказывали... Будем надеяться: спустимся в лагерь, шофёр там, хотя я всё меньше в это верю. Ваш Вячеслав Данилович человек ненадёжный, жук, так называю его. Как он оказался в отряде? Его кто-то порекомендовал?

– Должен был поехать другой водитель, и не смог.

– С тем водителем что-то случилось?

– Ему сломали руку, рёбра.

– Даже так... Вы вряд ли смотрели старый французский кинофильм, называется «Плата за страх». На горевшую нефтяную вышку необходимо было доставить нитроглицерин, чтоб погасить пожар с помощью мощного взрыва. Нитроглицерин взрывается даже от несильных толчков. Вести машину, груженную этим веществом, нужно очень осторожно. За доставку опасного груза хорошо платили. Главному герою кинофильма нужны были деньги. Чтоб сесть за руль на чужое место, он искалечил штатного шофёра. Не удивлюсь, если наш жук попал в отряд благодаря похожей комбинации, искалеченный водитель, вместо которого он поехал, – его работа.

– Какой финал кинофильма?

– Герой довёл машину до прииска, преодолев кучу злоключений, спешил вернуться, поехал назад – и не справился с управлением, машина свалилась с кручи. В результате заработал деньги и погиб.

– Если Вячеслав Данилович действительно угнал вездеход или в угоне участвовал, отдадим его под суд, как только попадём в посёлок, – решительно заявила Ольга.

– Вот только до поселка нужно добраться...

Старик постоянно отзывался обо мне плохо. По поводу его предположения, будто я поступил так же, как герой старого французского кинофильма, вот что скажу: я намеревался с зачисленным в штат отряда водителем мирно договориться, узнал адрес, его разыскал, объяснил свою безвыходную ситуацию, вынуждавшую меня бежать на Колыму. Он в квартиру меня не пускал, выясняли отношения на лестничной площадке. Я тогда не подозревал, что он член банды, об этом сказал франт, беседуя со мной в колымском поселке. Парень оказался задиристым, агрессивным, полез на меня первым. Хотя я штангой перестал заниматься, однако силу полностью не утратил, спустил его с лестницы.

Самодельные носилки соорудили из палатки и двух принесенных жердей, получились громоздкими, тяжелыми, нести искалеченного человека неудобно. Склон местами крутой, под ногами не земля, наломанная за тысячи лет сыпучая щебёнка, ноги на ней расплзались. Попадались площадки монолитные, так каменная поверхность отсырела за ночь, в тени не подсохла, скользкая. Кое-где пробивавшаяся среди камня иссушенная солнцем травка, хилые цветочки тоже опора плохая. Ниже начались заросли кедрового стланика, умудряющегося успешно жить и плодоносить в этом царстве камня, – дополнительная помеха, приходилось искать между кустами проходы.

Вначале нести носилки заставили бомжа. Его шатало, заносило в стороны, того гляди не удержит концы жердей, упадут носилки, несчастный начальник искалечится окончательно. Дядька умышленно изображал, что не протрезвел? А, возможно, вспомнил о полученных от главного бандита инструкциях, начал их выполнять. Работать пришлось Ольге и Молодому.

Старик шёл первым, охотничье ружьё держал на перевес, внимательно и напряжённо смотрел вперёд, по сторонам, крутя головой, хотя, если подумать, разве мог отразить нападение боевиков? У обстрелявших Петухова оружие нарезное, при желании могли отправить людей на тот свет с расстояния в километр. Но и идти, ничего не предпринимая для своего спасения, тоже неумно.

Каждые полчаса останавливались, опускали носилки на каменистую землю. Ольга всякий раз склонялась над искалеченным начальником, поправляла сбившуюся одежду, старалась успокоить. Петухов бодрился, силился улыбаться, а губы болезненно кривились, говорил, что дня через два-три встанет на ноги, несбыточная мечта, произносил несколько слов и замолкал, дышал порывисто, трудно, из легких даже вырывался хрип. Наверняка он ещё больше страдал морально – отвечал за судьбу людей отряда и вдруг оказался беспомощным, обузой, поисковые работы придётся закончить, основные только должны были начаться.

Ещё хорошо, что он не знал о существовании банды, мучился бы дополнительно, клял бы себя за то, что поверил человеку, представлявшего себя как руководителя спонсорской организации.

Молодой во время отдыха усаживался на землю, ковырял сорванной травинкой в зубах, равнодушно глядел на раскинувшуюся перед ним горную панораму. И неудивительно, что старик не выдержал, отвёл молодого человека в сторону.

– Вам не стыдно так себя вести?

– Что вам не нравится? Делаю всё, что велят.

– Вот именно, что велят! Вы пришли сюда, увидели искалеченного человека, и даже не возникло желание приблизиться к пострадавшему, посочувствовать. Я понимаю, мы живём в такое время, что моральные ценности меняются. Удивляться этому не приходится, о воспитании нового поколения не заботятся. Вот и вы... Носилки несёте так, будто на них не больной человек, можно и уронить, ничего страшного не случится.

– Решили провести воспитательную работу? – насмешливо поинтересовался Молодой, не пытаясь оправдываться.

– Вы бездушный эгоист! И о себе высокого мнения. И вообще вы поражаете меня с первой минуты. Кажется, жизнь вас разочаровала, ходить и то не хочется, такая у вас походка. Непонятно ради чего вы завербовались в экспедицию. Как мне сказал Василий Викторович, в институт «Геологии» вас привёл старший брат. Он же связался со спонсорской организацией, которая оплачивает расходы экспедиции, вы были зачислены в отряд. Василий Викторович тоже вас не понимает. Он вначале думал: вас привлекла романтика, теперь... Ему даже кажется, вас послали на Колыму вопреки вашему желанию, в этом заинтересован ваш старший брат. У вас же есть брат?

– Да. Сильная, целеустремленная личность, достойная подражания...

Об этих описанных мною событий я узнал в тот же день от Молодого. Он рассказывать не стремился, приходилось постоянно задавать вопросы. И, конечно, то, что я описал, не совсем соответствует действительности, кое-что придумал, приукрасил. В конце разговора я спросил:

– Слушай, а что ты такой спокойный? Неужели не помнишь, что я говорил тебе? О том, что начальник подстрелен, тебе не сообщили, так сам должен догадываться, что происходит, если видишь – старик ни на минуту не расстается с двустволкой, ждет нападения бандитов.

Он усмехнулся в своей прежней манере, выказывая свое пренебрежительное отношение ко мне, не ответил.

Ориентироваться на местности я толком не умею, и поражаться этому не стоит – привык сидеть в машине и ездить по нанесённым на карту дорогам. В лес меня не тянуло, – и по-

прежнему не тянет, – грибы и ягоды предпочитаю покупать. К лесу у меня даже антипатия, два года, будучи эком, пришлось пилить и валить деревья, из техники была лишь бензопила «Дружба» и топор. Летом объедали комары, неимоверная жара, зимой пронзительная стужа, снега по колено, прежде чем дерево повалить приходилось его от снега лопатой откапывать, осенью заливали проливные дожди, плащ спасал плохо, мокрота проникала до голого тела. Нас заставляли работать в любую погоду. Стерегищие нас солдаты прятались под непромокаемым тендем, зимой грелись в палатке с буржуйкой, мы будто не люди, преступники, уголовники.

В общем, путешественник я плохой, в тот день из-за излишней выпивки тем более понятия не имел, в какой стороне Ледовитый океан, где Япония, Китай. Непослушные ноги подводили не один раз, держали плохо – на склонах оступался, терял равновесие, мешком валился на зад и спину, под ногами то сыпучая щебёнка, под ступнями разъезжавшаяся, то чистый скользкий камень, спьяну произносил проклятия, и везло, что всякий раз удавалось, кряхтя и ворочаясь, подняться. Я куда-то продвигался, конца затянувшегося путешествия, мною же выдуманного, не было видно. Рубашку я скинул, чтоб меньше потеть, догадался укрепить на поясе, связав рукава узлом. Никогда прежде я не действовал так бездарно.

Я начал трезветь и слегка опомнился, когда возвышавшаяся с западной стороны сопка заслонила упавшее за горизонт солнце, поблек день. И перед этим я наткнулся на завал из талого снега с северной стороны отвесной скалы, снегом обтерся, эта процедура тоже помогла немного придти в себя.

Даже спичек в карманах не было, о костре приходилось мечтать.

Выбрав место ровнее, я свернулся калачиком. Бездомная собака не позавидовала бы мне, снова проклинал все и всех, в первую очередь себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.